

УДК 316.34.2

РАЗВИТИЕ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

А.В. Пигулевская

УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»
г. Гродно, Республика Беларусь

В статье рассматриваются вопросы возникновения и основные этапы развития гендерных исследований в Западной Европе.

The article deals with the problem of the development of gender studies in West Europe.

Гендерная концепция в гуманитарном знании берет свое начало в событиях конца 60-х годов. Ее рождение было подготовлено *во-первых*, молодежными движениями конца 1960-х гг., «студенческой революцией» 1968 г.; *во-вторых*, немалую роль сыграла сопровождавшая эти молодежные движения сексуальная революция, позволившая открыто говорить о проблемах пола; *в-третьих*, важным фактором оказалось оживление феминизма – так называемая его «вторая волна». Феминистки первой волны – то есть те, кто создавал первые женские организации во второй половине XIX – начале XX в. выступали за *равенство прав* с мужчинами. Феминистки «второй волны» – начала 60-х – поставили вопрос о *равенстве возможностей* реализовывать права, возможно, уже прописанные в законах. Они поставили проблему необходимости глубинных преобразований культуры во имя изменения модели отношений, основанных на господстве и подчинении; поставили проблему свободной, автономной женской личности; потребовали уже не просто дать женщинам право избирать политиков, но и впустить «второй пол» во властные структуры [3, стр. 77].

Взлет феминизма оказал огромное воздействие на интеллектуальную сферу во всех странах мира. В итоге родилась новая дисциплина. За рубежом она получила наименование *women's studies* («женские исследования» или «исследования женщин»), а в постсоветском научном дискурсе стала фигурировать под именем *социальной феминологии* [5, стр. 121].

В среде историков на появление *women's studies* откликнулись прежде всего ученые-женщины. Свою задачу они увидели в том, чтобы оживить женскую тему в изучении прошлого, «вернуть женщин историю», «дополнить» прежнюю картину или даже «переписать» в соответствии с выявленными фактами. Таким образом, возникшая в конце 70-х – начале 80-х годов *историческая феминология* или *«история женичин»* призвана была осуществить компенсаторную и

комплементарную функцию, а также переоценивающую и пересматривающую: если «мужская» история не есть всеобщая, то история женщин, в известной степени, должна была «пересмотреть» устоявшиеся оценки исторических событий и акцентировку их. Предмет исторической феминологии – это «женщины в истории», это история изменений их социального статуса и функциональных ролей, а также – и это очень важно – это «женская история», то есть история глазами женщин, написанная с позиций женского опыта.

Чтобы отличить «женскую историю» от описания прошлого в общепринятом ключе, было предложено ввести новый термин в дополнение к привычному *«history»* (его прочитывали как *«his story»*, «его история», *«история мужчины»*). Неологизм *«herstory»* (*«her story»*, «ее история», *«история женщины»*) должен был исправить положение. Несмотря на то, что этот термин не прижился и мировое научное сообщество отнеслось к возникновению женской истории (или исторической феминологии) с большой долей скепсиса, авторам работ по «истории женщин» удалось доказать, что их подход имеет право на существование [1, стр. 468].

Историческая феминология выполнила свою главную задачу – вернула женщин историю. На Западе упомянутое «возвращение» выразилось в появлении специальных глав в разделах учебников, где рассказывалось о выдающихся женщинах, равно как о социальном положении представительниц разных социальных слоев, их правах и моделях повседневной жизни. Историческая феминология была официально признана как особое направление специализации на факультетах (подобно медиевистике, модернистике, источниковедению), свое место в университетах Европы и США заняли и *women's studies*.

Историко-феминологические исследования доказали, что полученное ранее «единое и полное» знание о прошлом таковым не является, потому что в нем, по сути, почти отсутствуют женщины – ведь во все эпохи они имели свое мировидение и свою систему ценностей, отличную от мужской.

Благодаря исторической феминологии, в мировой науке родились новые разработанные темы, в том числе и монографически, которые ранее просто не могли возникнуть, так как считались слишком частными: «история прислужничества и найма кормилиц», «история домашней работы», «история вынашивания детей и родовспоможения», «история подкидывания детей и отказа от них», а несколько позже и «история женского тела».

Представительницы второго направления, которое выдвинулось на первый план в середине 1970-х гг., стремились объяснить наличие конфликтующих интересов и альтернативного жизненного опыта женщин разных социальных категорий, опираясь на феминистские теории неомарксистского толка, которые вводили в традиционный классовый анализ фактор различия полов и определяли статус исторического лица как специфическую комбинацию индивидуальных, половых, семейно-групповых и классовых характеристик. Для представительниц этого направления способ производства и отношения собственности остаются базовой детерминантой неравенства между полами, но реализуется она через определенным образом организованную систему прокреации и социализации поколений в той или иной исторической форме семьи, которая сама представлена рядом социально-дифференцированных структурных элементов, отражающих классовые или сословно-групповые различия.

На рубеже 70-х и 80-х годов обновление феминистской теории, расширение методологической базы междисциплинарных исследований, создание новых комплексных объяснительных моделей не замедлило сказаться и на облике "женской истории". Это касалось, в первую очередь, самого переопределения понятий "мужского" и "женского". В 80-е гг. ключевой категорией анализа становится "гендер", призванный исключить биологический и психологический детерминизм, который постулировал неизменность условий бинарной оппозиции мужского и женского начал, сводя процесс формирования и воспроизведения половой идентичности к индивидуальному семейному опыту субъекта и, абстрагируясь от его структурных ограничителей и исторической специфики. Поскольку гендерный статус, гендерная иерархия и модели поведения задаются не природой, а предписываются институтами социального контроля и культурными традициями, гендерная принадлежность оказывается встроенной в структуру всех общественных институтов, а воспроизведение гендерного сознания на уровне индивида поддерживает сложившуюся систему отношений господства/подчинения во всех сферах. В этом контексте гендерный статус выступает как один из конституирующих элементов социальной иерархии и системы распределения власти, престижа и собственности, наряду с расовой, этнической и классовой принадлежностью [2, стр. 233].

Основные методологические положения гендерной истории в обновленном варианте были сформулированы Джоан Скотт в программной статье "Гендер – полезная категория исторического анализа". Как известно, различие между женскими и тендерными

исследованиями определяется содержанием ключевых понятий "пол" и "гендер". В трактовке Дж.Скотт гендерная модель исторического анализа состоит из четырех взаимосвязанных и несводимых друг к другу комплексов. Это, во-первых, комплекс культурных символов, которые вызывают в членах сообщества, принадлежащих к данной культурной традиции, множественные и зачастую противоречивые образы. Вторая составляющая – это те нормативные утверждения, которые определяют спектр возможных интерпретаций имеющихся символов и находят выражение в религиозных, педагогических, научных, правовых и политических доктринах. В-третьих – это социальные институты и организации, в которые входят не только система родства, семья и домохозяйство, но и рынок рабочей силы, система образования и государственное устройство. И, наконец, четвертый конституирующий элемент – самоидентификация личности.

В тематике гендерной истории отчетливо выделяются ключевые для ее объяснительной стратегии узлы. Каждый из них соответствует определенной сфере жизнедеятельности людей прошлых эпох, роль индивидов в которой зависит от их гендерной принадлежности: "семья", "труд в домашнем хозяйстве" и " работа в общественном производстве", "право" и "политика", "религия", "образование", "культура" и др. Особое место занимает анализ опосредующей роли гендерных представлений в межличностном взаимодействии, выявление их исторического характера и возможной динамики. Специфический ракурс и категориальный аппарат исследований определяется соответствующим пониманием природы того объекта, с которым приходится иметь дело историку, и возможной глубины познания исторической реальности.

Именно эта ориентация на преодоление гендерно-исторической автономии и пристрастие к комплексным исследованиям самого высокого уровня характеризует новое направление, которое можно было бы условно назвать моделью "женской истории" четвертого поколения, если бы в этой версии она вообще не переставала быть просто историей женщин. На самом деле траектория движения историографии фиксирует иные вехи: от якобы бесполой, универсальной по форме, но по существу игнорирующей женщин историю к ее зеркальному отражению в лице "однополой", "женской истории" и от последней – к действительно *общей* истории гендерных отношений и представлений, а еще точнее – к обновленной и обогащенной социальной истории, которая стремится расширить понимание социального и свое предметное поле, включив в него все сферы межличностных отношений – как публичные, так и приватные.

По существу, речь идет о новой исторической субдисциплине с исключительно амбициозной задачей – переписать всю историю, как историю гендерных отношений, покончив разом и с вековым "мужским шовинизмом" всеобщей истории, и с затянувшимся сектантством "женской истории" [3, стр. 84].

Критический момент, которому предстоит определить будущее гендерной истории, состоит в решении проблемы ее сближения и "воссоединения" с другими историческими дисциплинами, а, говоря иначе, определения ее места в новом историческом синтезе. Признаки продвижения к позитивному решению этого вопроса проявляются, в частности, в том, что главные узлы проблематики гендерной истории возникают именно в точках пересечения возможных путей интеграции истории женщин в пространство всеобщей истории. Такие перспективы отчетливо просматриваются в истории материальной культуры и повседневности, а в последнее десятилетие – в истории частной жизни. Внимание историков привлекают гендерно-дифференцированные пространственные характеристики и ритмы жизнедеятельности, вещный мир и социальная среда, специфика мужских и женских коммуникативных сетей, магические черты "женской субкультуры", "мужская идеология". В фокусе истории частной жизни оказывается эмоционально-духовная жизнь индивида, отношения с родными и близкими в семье и вне ее, женщина как субъект деятельности и объект контроля со стороны семейно-родственной группы, формальных и неформальных сообществ, социальных институтов и властных структур разного уровня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Введение в гендерные исследования. Ч. I: Учебное пособие/ Под ред. И. А. Жеребкиной — Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. – 708 с.
2. Введение в гендерные исследования: Учеб. пособие для студентов вузов / Костикова, И. В. и др.; под общ. ред. И. В. Костиковой. – М.: Аспект Пресс, 2005. – 255 с.
3. Пушкарёва, Н. Л. Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы / Н. Л. Пушкарёва // Вопросы истории. – 1998. – №6. – С. 76 – 86.
4. Репина, Л. П. Гендерная история: проблемы и методы исследования / Л. П. Репина // Новая и новейшая история. – 1997. – № 6. – С. 41 – 58.
5. Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций / Под общ. ред. О. А. Ворониной. – М.: МЦГИ – МВШСЭН – МФФ, 2001. – 416 с.